

Экзистенциальный поворот в современной социологии

Аннотация

Автор рассматривает особенности “экзистенциального поворота в социологии”, в связи с чем представляет концепцию экзистенциальной социологии бельгийского ученого Марселя Болль де Баля, изложенную в форме интервью. Обсуждаются главные принципы экзистенциальной социологии Болль де Баля: экзистенциальная социология как фундаментальная теория; “reliance” как центральное понятие (концепция); исследование-действие как основополагающий познавательный метод; “социанализ” как фундаментальная практика для социологов; плюрализм моделей в социологии; клиническая или прикладная социология как перспективная область исследований, действий и обучения. Кроме того выделяются общие научные проблемы социологического экзистенциализма, которые могут стать ориентиром для последующих эмпирических и прикладных исследований. В качестве примеров приведены проблемы рождения и биоэтики, жизненного развития, любви как социального феномена, танатоэтики и др. В итоге автор отмечает, что экзистенциальная социология М.Болль де Баля может стать одним из ключевых элементов системного объединения разрозненных направлений экзистенциально-социологической мысли.

Ключевые слова: *экзистенциальная социология, экзистенциализм, синтез, прикладная социология, теоретическая интеграция*

В развитии современной социологии на протяжении последних десятилетий наблюдалось несколько тенденций, которые состояли не столько в последовательной смене парадигм или научных школ, сколько в кратковременном доминировании одной из перспектив (на фоне мультипарадигмальности), многие из которых сами по себе представляли синтез разнообразных идей и концепций. В 1980–1990-е годы на международную орбиту вы-

шли теории рационального выбора и теории глобализации, причем последние до сих пор занимают лидирующие позиции в объяснении социальной реальности. Социология испытала всплеск различных постмодернистских концепций, все чаще стало звучать понятие гендера, получили распространение феминистские подходы. Одновременно в обиходе обществоведов появились такие термины, как “травма” и “риск”, а обществу был поставлен диагноз перманентной трансформации, которая описывалась как “текущая современность”, “социальные мутации” или “нелинейная динамика”. Социологи начали поднимать вопрос о необходимости развития публичной и клинической социологии, завоевали признание теории социальных сетей, многие исследователи заговорили о кризисе социальных наук, их чрезмерной специализации. Обсуждалась тема необходимости возврата к построению панорамных теоретических картин социальной реальности (*big pictures*), вновь получил популярность цивилизационный анализ, активизировалась инвайронментальная социология и т.д. Российский социолог Н. Романовский насчитал 12 таких “поворотов” в современной социологии, которые он сгруппировал по нескольким критериям: возврат интереса к игнорировавшимся ресурсам социологического знания (исторический, культуральный повороты, поворот к памяти людей); смена эмпирической методик (нарративный поворот); расширение подходов к пониманию социального действия и взаимодействию (аффективный, лингвистический, прагматический, семиотический и этический повороты); общенаучные и методологические изменения в подходах к объекту и предмету исследований (онтологический, отношенческий поворот и поворот к повседневности) [Романовский, 2007; 2009].

Очевидно, что наибольшее значение имеет тот тип социологических поворотов, который затрагивает общенаучные и теоретико-методологические изменения в подходах к объекту и предмету исследований, а соответственно должен сказываться на логике и направленности всех иных поворотов. И действительно, процессы, происходящие в современной социологии, можно обозначить если не как онтологический поворот, то, по крайней мере, как устойчивую тенденцию к такому повороту в ближайшем будущем. Сущность ее, на мой взгляд, состоит в стремлении к *онтологизации социологического познания*, желании выйти из абстрактных теоретических лабиринтов к созданию теории живого человека и его социального окружения, поставить вопрос о смысле и общей картине социального мира глазами этого человека, продолжить объединение микро- и макроуровней социологии посредством категории социальной экзистенции и методологии субъективного реализма. Онтологизация современной социологии проявляется также в бурном развитии качественных методов и формировании ряда новых направлений визуальной социологии, социологии тела, социологии эмоций и т. п. И если внимательно проанализировать все характеристики онтологического поворота в социологии, то мы увидим не что иное, как актуализацию *экзистенциальной парадигмы*, которую многие исследователи уже считали достоянием застывшего философского прошлого.

Одним из примеров аргументации в пользу онтологизации социологического знания можно считать утверждения Петра Штомпки, который усматривает в современной социологии масштабный, парадигмальный сдвиг по направлению к новой социологии социальной экзистенции. Эту парадигму польский социолог вместе с тем также называет социологией по-

вседневной жизни или третьей социологией, пришедшей на смену второй социологии действия и первой социологии систем. “Идея социальной экзистенции, — пишет Штомпка, — сфокусирована на реально происходящее в обществе людей на уровне между структурами и действиями, где ограничения структур и динамика действий производят реальные, проживаемые и наблюдаемые социальные события, социально индивидуальные практики, составляющие повседневную жизнь, фактически единственную жизнь, которая есть у людей и которая ни полностью детерминирована, ни полностью свободна” [Штомпка, 2009: с. 4–5]. Интересно, что Штомпка фактически повторяет утверждения основоположника экзистенциальной социологии Эдварда Тирикьяна, который еще полвека назад сформулировал аналогичные теоретико-методологические принципы [Tiryakian, 1962; 1965; 1968; 1970]. После Тирикьяна концепции экзистенциальной социологии разрабатывали, в частности, представители калифорнийской школы (Дуглас, Джонсон, Котарба и др.) (см.: [The Existential Self, 1984; Existential Sociology, 1977]), бельгийский социолог М.Болль де Баль [Bolle De Bal, 1986; 1992; 1995; 2000; 2004] и др. Чтобы разграничивать концепции экзистенциальной социологии 1960–1980-х годов и возврат экзистенциальной парадигмы в социологию XXI века, последнюю можно было бы обозначить как пост- или неоекзистенциальную социологию, хотя такие терминологические новшества требуют более основательного дальнейшего изучения¹ и не представляются здесь принципиальными. Целью же данной публикации является презентация одной из оригинальных концепций экзистенциальной социологии, которая представляется мне переходной между экзистенциальной социологией 1960–1970-х годов и текущей тенденцией возрождения экзистенциалистской перспективы.

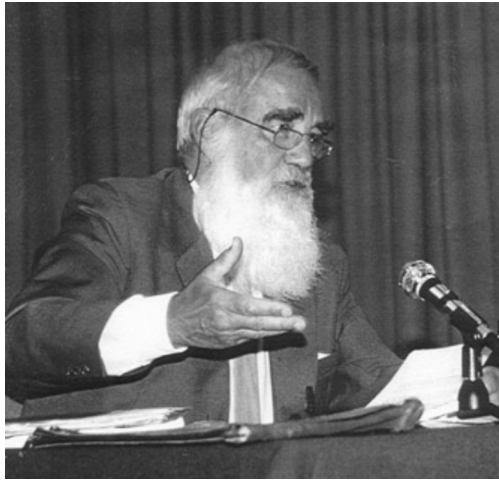
Изначально публикация не предполагала формат интервью. Однако по мере работы с материалами мне представилось целесообразным отобразить экзистенциально-социологическую концепцию с помощью ее же собственного метода, то есть через обращение к исходному, реальному контексту, к первоисточнику, а в данном случае — к автору. Как правило, интервью с социологами носят биографический характер и не рассматриваются в качестве способа изложения теоретических постулатов. Однако мы убеждены, что такое изложение может достаточно адекватно передать суть идей и их текущее состояние в сознании автора, а также послужить важным источником в последующих историко-социологических исследованиях.

Работы бельгийского социолога Марселя Болль де Баля малоизвестны в украинской социологии, скорее всего, в силу языкового барьера. Тем не менее некоторые его идеи, в частности связанные с социологией спорта, постепенно проникают и в украинскую социологию (см., напр.: [Зинюк, 2009]).

Марсель Болль де Баль родился в Бельгии в 1930-м году. Получил образование в области права и экономики, изучал промышленные отношения в Чикагском университете, является заслуженным профессором Свободного

¹ Например, российская исследовательница Л.Баева использует термин “неоекзистенциальная теория” [Баева, 2004], а украинский философ К.Райда предлагает рассматривать экзистенциальную социологию как продукт постэкзистенциалистского синтеза, то есть как постэкзистенциалистское направление [Райда, 1998]. На мой взгляд, более подходящим был бы термин “неоекзистенциальная социология”.

университета Брюсселя, где в разные годы занимал руководящие должности. Болль де Баль — почетный президент Международной ассоциации франкоязычных социологов, социальный консультант, общественный активист и член муниципального совета г. Линкебек (Бельгия). Он автор, соавтор либо редактор 29 книг, а также более 200 статей в области экзистенциальной социологии, социологии труда, общей социологии, клинической социологии, прикладной “психосоциологии” и групповой динамики, социального управления, социологии семьи и спорта и др. Помещенное ниже интервью с профессором Болль де Балем было проведено в 2010 году.



Марсель Болль де Баль

Экзистенциальная социология в лицах: Интервью с Марселем Болль де Балем

Андрей Мельников: Как Вы пришли в социологию? Как и когда Вы услышали об этой науке впервые?

Марсель Болль де Баль: Я изучал право, получил степень магистра права и стал доктором в сфере права (docteur en droit) в 1953 году. Впрочем, мне не нравилось право, и я не хотел становиться юристом. Кроме этого я изучал экономику и получил степень в этой области в 1954 году... Но я не мог — как и мой учитель — понять процесс инфляции!!? И наконец, я был заинтересован курсом и семинаром по социальной экономике и получил грант фонда Ротари на годовое обучение в Соединенных Штатах, в частности в Чикагском университете. Я планировал посещать курсы по промышленным отношениям, то есть преимущественно по социологии труда и менеджмента человеческих ресурсов, как это назвали бы сегодня. Фактически же я много путешествовал по Штатам, автостопом или перегоняя автомобили для дилеров с Севера на Юг или с Востока на Запад. Таким образом, в 1954–1955 годах я посетил 48 из 52 штатов, а также Канаду и Мексику. Это и было моим путем, пройдя который, я стал социологом: открывая различные новые культуры и также различные социальные системы... И это гораздо больше сформировало меня как социолога, чем чтение социологических

книг. Мне кажется, впервые я услышал о социологии во время изучения права и экономики в Бельгии, но тогда эта наука не произвела на меня впечатления. Так или иначе, до конца 1960-х дипломов по социологии в Бельгии еще не было.

Когда социология начала развиваться в Бельгии в конце 1960-х, какая социология это была — позитивистская, или структурно-функционалистская или, как французская социология, больше феноменологически ориентированная? Кто были первые лидеры бельгийской социологии того времени?

Социология очень стара в Бельгии. Институт социологии был создан в 1898-м, задолго до того как это было сделано во Франции. Институт был открыт благодаря социально ориентированному бизнесмену Эрнесту Сольве (Ernest Solvay) и был возглавлен выдающимся социологом Эмилем Ваксвейлером (Emile Waxweiler). Идея Сольве заключалась в том, что общественные науки должны быть социально полезными. Сегодня бы мы сказали, что он был сторонником “прикладной социологии”. Здание этого института — все еще существующее — было символическим: много небольших кабинетов (специализированные общественные науки: экономика, история, демография, психология, антропология и т.д.), объединенных под “одной крышей социологии”, науки будущих времен... и обществ. Я был членом этого института на протяжении 55 лет! В 1922-м институт был объединен со Свободным университетом Брюсселя. Дипломы по социологии начали выдавать только в конце 1960-х годов. До того это был диплом по “общественным наукам”, достаточно новый в те времена.

Французская социология под влиянием Дюркгейма долгое время была больше позитивистской, чем феноменологической. Фактически, существует много различных “школ” внутри французской социологии, а великие лидеры бельгийской социологии — это Кетле (Quetelet), Ваксвейлер, Дюпрель (Dupréel), Жанн (Janne), Реми (Remy)...

Конечно, Кетле или Ваксвейлер известные ученые. А кого можно назвать лидерами последних десятилетий? Как Вы можете охарактеризовать современную бельгийскую социологию, ее главные направления, теории, тенденции?

Боюсь, я не смогу ответить на этот вопрос. Во-первых, я уже не так активен в бельгийской социологии. Во-вторых, в настоящее время я не вижу никого, кого можно было бы назвать видным лидером бельгийской социологии. В-третьих, я не чувствую ее основных направлений, теорий и тенденций. Видным руководителем для меня был Анри Жанн. Его главная книга — “Социальные системы” [Janne, 1968]. Вместе с Джорджем Гурвичем он был основателем Международной ассоциации франкоязычных социологов. Его не стало в 1991-м году. В 1960-х мы, молодые исследователи, чувствовали, что Анри Жанн был нашим настоящим лидером и лидером “брюссельской школы социологии”. Перед ним — Ваксвейлер, Дюпрель (его учитель). Сегодня я уже не чувствую, что существует подобная “школа”.

Сейчас Вы в отставке. Как долго продолжалась Ваша деятельность в качестве социолога? Какую из своих последних крупных работ Вы бы отметили?

Как я уже говорил, сначала я специализировался в области права и экономики. Когда я получил грант фонда Ротари, я сначала пытался изучать

макроэкономике в Торонто (Канада), но обнаружил, что эконометрические модели были слишком абстрактными, количественными, “не человеческими”. Таким образом, я переключился на социальную экономику, индустриальные и человеческие отношения, которые я изучал в течение года в Чикагском университете (1954–1955) с профессорами Харбисоном (Harbison), Муром (Moore) и Лорвином (Lorwin).

Как я стал социологом? Не столько читая книги и прослушивая курсы, сколько путешествуя целый год по Северной Америке, вне моего родного города, страны и культуры. И опять-таки, в то время в моей стране не было социологической степени. В 1955-м я начал работать исследователем в Институте социологии имени Сольве, в частности, в Центре социологии труда. Приблизительно в 1965-м я стал его директором. С 1980-го до 1995-го (когда я ушел на пенсию) я был избран президентом основанного в конце XIX века Ученого совета этого института.

Когда я прекратил свою социологическую деятельность? Фактически я не прекращаю ее до сих пор. Сейчас я беседую с Вами и готовлю книгу по экзистенциальной социологии! С тех пор как я ушел на пенсию, я опубликовал 8 книг:

- *Voyages au coeur des sciences humaines. De la reliance* (1996). “Reliance” — мое основное оригинальное понятие, которое может быть переведено как “воссоединение” (re-linking) или “восстановление связи” (re-binding).
- *Wegimont ou le chateau des relations humaines* (1998). Мой основной курс по прикладной социологии.
- *Les adieux d'un sociologue heureux. Traces d'un passage* (1999). Мои последние наставления и мой прощальный президентский доклад в Международной ассоциации франкоязычных социологов.
- *Le sportif et le sociologue. Sport, individu et societe* (2000). Размышления о социологии современного спорта посредством диалога с профессиональным футболистом.
- *La sociologie de langue française. Un enjeu, un combat. Souvenirs d'un acteur* (2001). Моя борьба за франкоязычную социологию.
- *Surrealiste et paradoxale Belgique. Mémoires politiques d'un sociologue engage* (2003). Социологическое исследование и анализ моей страны... очень интересные сегодня!
- *Un sociologue dans la cite* (2004). Статьи и исследования социолога, заинтересованного повседневными социальными проблемами.
- *Le travail, une valeur a rehabiliter* (2005). Пять статей, социологически и философски направленных на проблему труда и общества.

Моя последняя крупная работа? Она готовится к печати, и, как Вы могли заметить, это будет книга по экзистенциальной социологии.

Какой Вам представлялась чикагская социология и вообще американская культура в середине 1950-х? Чувствовалось ли тогда доминирование теории Парсонса?

К сожалению, я не смогу дать интересный ответ на этот вопрос. Тогда я больше интересовался промышленными отношениями и социальным управлением, чем социологией. Поэтому я не чувствовал влияния Парсон-

са. В то время я не встречал ни Парсонса, ни его последователей. Мои интересы были более практическими, чем теоретическими. Возможно, поэтому — намного позже — я почувствовал необходимость создания экзистенциальной социологии (не зная о ее возникновении и развитии в 1970-х годах в США), которая представлялась менее абстрактной и более близкой к интересам людей, их чувствам и эмоциям. В 1950-х чикагская социология, как я воспринимал ее, была довольно необычной, скорее микро-, чем макросоциологически ориентированной, — настоящее зеркало американской культуры с ее аллергией на социализм, — и отставала (через такие сервисные клубы, как Rotary, Lions и Kiwanis) позицию социального капитализма (услуга превыше прибыли). Многие социологи поддерживали такое развитие капиталистического общества.

Хотелось бы теперь несколько подробнее остановиться на Вашей концепции экзистенциальной социологии. С чего все начиналось? Когда и как идея экзистенциальной социологии впервые возникла у Вас?

В 1985 году в Брюсселе, к завершению Конгресса Международной ассоциации франкоязычных социологов я готовил президентский доклад, в котором должен был изложить свою личную концепцию социологии и обозначить функции социолога. Главная тема Конгресса звучала так: “1984... и что? Индивид и социальная машина” (1984 ...and so what? The individual and the social machine). Мой доклад был назван “Социология... и человек. Я видел даже счастливого социолога” (по названию популярного кинофильма тех времен “Я видел даже счастливых цыган”). Готовя этот доклад, я вспомнил о своем пути через индустриальную социологию, социологию труда, общую социологию и психосоциологию. Я вспомнил, что был разочарован слишком абстрактной, недостаточно “человеческой” социологической наукой, основными тенденциями социологии, больше связанными с социальными структурами, социальными институтами и социальными движениями, чем с людьми, их экзистенциальными проблемами и переживаниями (рождение, любовь, жизнь, смерть...). На протяжении многих, многих лет я боролся за построение мостов между психологией и социологией, социальной психологией и психосоциологией, между двумя факультетами, на которых я читал лекции: факультетом психологии и педагогики и факультетом социальных наук. Главным аспектом, над которым я работал, было понятие *reliance*, то есть “воссоединение” или “восстановление связи”: я нацелился на воссоединение психологических и социологических теорий и практик, особенно посредством “исследования действия” (action research). Идея “экзистенциальной социологии” возникла в процессе синтеза моих взглядов, концепций и профессиональной практики... Возможно, я был подсознательно детерминирован моим ранним изучением экзистенциализма и экзистенциальной философии — Сартра, Камю, де Бовуар и др., которые произвели на меня очень глубокое впечатление... Я должен признаться, что ничего не знал тогда (в 1985-м) о движении экзистенциальной социологии в США... Вы сделали для меня это открытие в прошлом году! Я только обнаружил, готовя тот доклад, что мой коллега и друг Эдвард Тирикьян написал несколько статей и книг по отношениям между экзистенциализмом и социологией, но он никогда не говорил об “экзистенциальной социологии” как таковой. Я

думал, что был первым, кто ввел данное понятие. И это было верно..., по крайней мере, для франкоязычной социологии.

В чем состоят основные принципы Вашей экзистенциальной социологии? Возможно, первый из них — идея формирования экзистенциальной социологии посредством воссоединения социологии и психологии как довольно разобщенных наук? Каковы были реакция, мнения, критика коллег в отношении Вашего проекта экзистенциальной социологии?

Вы правы. Моя первая цель состояла в том, чтобы воссоединить две дисциплины (определяемые в качестве так называемых гуманитарных наук), возобновить связи между социологией и психологией, которые представлялись мне слишком разделенными науками и практиками, сделать социологию более “человеческой”, более живой, более “экзистенциальной”... Вы знаете о важности для меня понятия *reliance*, которое я рассматриваю как основной концептуальный элемент на пути построения экзистенциальной социологии. Фактически мой проект состоял и состоит в восстановлении связей между многими областями социологической работы: между теорией и практикой (через прикладную и клиническую социологию); исследованием и действием (посредством исследования-действия); социологией и психологией (через психосоциологию и жизненные истории); социологией и философией (через феноменологический и понимающий подходы); преподаванием и обучением (через групповую динамику); между факультетами психологии и социальных наук (посредством создания новой кафедры под названием “Социальная психология и психосоциология” на факультете психологии и кафедры “Прикладная социология” на факультете социальных наук). Я написал много статей на эти темы.

Реакция моих коллег? Скорее вежливая, но при этом безразличие или игнорирование (как будто это их не касается)... Я был недостаточно классическим, не вписывался в их “академически правильные” подходы... Никакой критики, только дружественные комплименты во время частных разговоров... Как только я ушел на пенсию (в 1995-м), они быстро решили закрыть кафедру и убрать большинство моих учебных курсов... (есть известная песня Ги Беара — “celui qui dit la verite, il doit etre execute”, “кто говорит, что истина должна быть уничтожена...”).

И все же получается, что Вы действительно воплотили свой проект экзистенциальной социологии, создав две новые кафедры? Какая исследовательская работа и какого типа обучение имели место на этих кафедрах?

Я никогда не думал именно в таких терминах, но полагаю, что можно ответить утвердительно. Эти два события — создание кафедр и воплощение моего социологического проекта — были синхронными параллельными направлениями, которые вскоре пересеклись (интересный парадокс!). Другими словами, я боролся за воссоединение психологии и социологии, начиная с моего первого назначения в качестве лектора на факультете психологии в 1959-м году (курс “Социология труда”). В 1972-м я создал кафедру. Мой президентский доклад, синтезирующий мою теорию и практику, появился в 1985-м.

Я создал много курсов, семинаров и практических (профессионально-специализированных) учебных занятий. Мой главный учебный курс назывался “Психосоциологический подход к современному обществу” и осно-

вывался на анализе четырех диалектических связей: между психологией и социологией; причиной (*reason*) и свободой; теорией и практикой; *reliance* (воссоединение) и *deliance* (разъединение). Не менее важным был курс “Психосоциология организаций”. Помимо этого было много семинаров по групповой динамике: лидерство, коммуникация, переговоры, интервью, принятие решений, групповые обсуждения, психопедагогическое обучение и т.д.

Я провел очень важное исследование стремлений бельгийцев к *reliance sociale* (социальное воссоединение), а именно, в сферах занятости, образования и медицины, в частности посредством экспериментальных исследований-действий.

В Вашем президентском докладе, где был представлен синтез экзистенциальной социологии [De Val, 1986], Вы выделили шесть тем, лежащих в основе этой социологической “утопии”, как Вы сами назвали ее, а именно:

1. *Экзистенциальная социология как фундаментальная теория.*
2. *“Reliance” как центральное понятие (концепция).*
3. *Исследование-действие как необходимый, основополагающий способ исследований.*
4. *“Социанализ” (socianalysis) как фундаментальная практика для социологов.*
5. *Плюрализм моделей в социологии.*
6. *Клиническая, или прикладная социология как многообещающая область исследований, действий и обучения.*

Хотелось бы обсудить эти элементы и их взаимосвязь. Разрешите начать с первого принципа: экзистенциальная социология как фундаментальная теория.

Экзистенциальная социология, которую я развиваю, подчеркивает важность *личности* (отнесенный/воссоединенный человек, а не изолированный человек капиталистических и социалистических обществ) и *актера* (активный, вовлеченный человек). Это должна быть *гуманистическая* (Роджерс), а не *позитивистская* (Скиннер) социология. Ей следует вдохновляться пятью основными принципами:

1. Это должна быть *понимающая* (Вебер) и *феноменологическая* (Мосс) социология.
2. Она должна развивать тесное сотрудничество и взаимообмен с другими гуманитарными дисциплинами, такими как психология, философия и литература (использовать или адаптировать их подходы и данные).
3. Она должна обратить особенное внимание на динамику *первичных групп*, в которых развита *сложная и часто парадоксальная диалектика* взаимодействия между людьми, сообществами и обществом.
4. Она должна делать акцент на необходимости скорее *качественных* (например “жизненные истории” и “парадоксы”), чем количественных методов.
5. Она должна быть *диалектической*, по крайней мере в формах и модальностях, предложенных Джорджем Гурвичем, и более того, *диалогической* (Морен), объединяющей понятие одновременно антагонистических, противоположных и взаимодополняющих реальностей.

Такая социология должна уделить значительное внимание субъективности, иррациональности и аффективности в своих моделях, поскольку все названное есть основание человеческой экзистенции. Этот призыв касается новых понятий, концепций, методов исследования, социальных действий и академического обучения.

Перейдем ко второму принципу экзистенциальной социологии: “reliance” как центральное понятие (концепция).

Вы знаете важность для меня (и, я полагаю, для социологии) понятия, которое по-французски я называю — *reliance*. Это понятие не нужно путать с английским термином “reliance” (доверие, надежда), а переводить как “воссоединение”, “восстановление связи”. Основная идея здесь следующая: мы живем в обществе, где социальные и человеческие связи находятся в процессе разрушения (“одинокая толпа”, однажды описанная американским социологом Рисменом). Я думаю, что мы переживаем разъединение или разрыв связей социальной системы, которую я называю обществом *dé-liance*: люди больше не связаны ни с собой (психологический *déliance*), ни с другими людьми (социальный *déliance*), ни с окружающей средой (культурный, экологический или космический *déliance*). В качестве реакции на эту ситуацию у людей развиваются потребность и глубокое стремление к *re-liance*, к восстановлению потерянных связей и отношений.

Я думаю, что эти понятия важны для построения экзистенциальной социологии, поскольку они затрагивают само ядро человеческого существования в современном мире. Это психосоциологические понятия, помогающие понять социальные и человеческие проблемы сегодняшних обществ. Они важны для соединения или воссоединения, связывания или восстановления связей психологических, философских и социологических подходов, субъективности и объективности, сущности и существования, исследования и действия.

Последняя дихотомия представляет собой третий принцип Вашей экзистенциальной социологии — исследование-действие как необходимый, основополагающий способ исследований.

“Исследование-действие” — новый и многообещающий метод исследования для социологической науки. Он необходим при построении экзистенциальной социологии, поскольку отвечает на проблемы людей, групп и обществ в нашем слишком рациональном обществе. Фактически этот метод нацелен на соединение того, что традиционное, классическое исследование обычно разделяет: теории и практики; исследования и действия; психологических и социологических фактов; разума и эмоций; знания в процессе концептуализации и реальности в процессе конструирования. Основная идея заключается в том, что когда некто проводит социологическое исследование, например интервьюирование, он осуществляет действие в отношении социальной и человеческой системы, которую он хочет проанализировать. Эта система в той или иной степени изменяется под влиянием вмешательства исследователя. После встречи люди уже не те, какими были: их, возможно, задела заданный вопрос, и они могут задавать себе новые, могут по-новому воспринимать свою среду. Именно поэтому было предложено объединить в одной идее *действие* в процессе *исследования*, изучить “дейст-

вие действия” в процессе производства социологического знания, что утвердило бы фундаментальную концепцию *исследования-действия*, которая становится все более распространенной практикой в социологии. Эти намерения направлены на возобновление связи между социологическими исследованиями и социальной работой, между университетами и внешним миром, между различными гуманитарными науками, между исследующими и исследуемыми системами, между фундаментальным и прикладным исследованием, между исследователем как таковым и его личными ощущениями. В то же время это инструмент для научной эволюции и инструмент для социальных изменений. Исследование-действие подразумевает рост отношенческих (relational) и интеллектуальных возможностей социальных акторов, то есть их способности управлять развитием социальных систем, в которых они живут. В этом смысле речь идет об основании новой формы прикладной социологии, которую я называю *социанализ*.

С Вашей точки зрения “социанализ” должен быть фундаментальной социологической практикой (четвертый принцип экзистенциальной социологии).

Говоря об *исследовании-действии*, мы находились в поле экзистенциально-социологического *исследования*. Теперь мы переходим в другое, дополняющее поле экзистенциально-социологического *действия*. В этом поле я отстаиваю построение новой и многообещающей модели социологического вмешательства с научными и клиническими притязаниями, которую я и называю *социанализом*. Эта модель должна соотноситься с социологией таким же образом, как соотносятся психоанализ и психология. Отношение социанализа к социальной системе должно быть подобно отношению психоанализа к индивиду как системе, то есть помогать проанализировать внутренние противоречия, понять их, управлять ими, помогать осознать свое развитие на основании собственных ценностей, а не ценностей будь то социаналитика или психоаналитика.

Эта новая форма социологической работы — попытка откликнуться на желание многих социологов влиять на становление социальных систем, социальных структур, социальных движений, другими словами — их желание власти. Но эта форма выходит за рамки функций социального консультирования, практического решения социальных проблем, продажи различных социотехник, а также практик того или иного вида прикладной социологии. Социаналитик должен избегать двух методологических и идеологических опасностей: полного дистанцирования и полного слияния с социальной системой. Быть не слишком абстрагированным и не слишком вовлеченным. Не приближаться слишком ни к властвующей элите, ни к ее революционным оппонентам.

Конечно, здесь обнаруживается то, что знает каждый социолог: как ученый и как гражданин он всегда должен быть осторожен в отношении идеологических и этических проблем, связанных с его вмешательством в социальную сферу. Он должен выбирать между тремя возможными действиями: консервативным (orthopedical), революционным (demiurgical) или майевтическим. Думаю, нужно выбирать третий вариант — в этом случае социаналитик помогает социальным системам лучше понять свои дисфункции, помогает им осознать баланс между внутренними и внешними социальными

силами. Как сказал один румынский социолог накануне падения железного занавеса: “Это должно способствовать разработке науки и практики социальной негэнтропии”.

Похоже, что социанализ близок к таким направлениям, как клиническая и публичная социология (как называет свой подход новый президент Международной социологической ассоциации Майкл Буравой). Использовали ли Вы сами социанализ и знакомы ли с опытом его применения другими социологами? А если это так, то могли бы Вы привести несколько примеров?

Прежде чем ответить на Ваш вопрос, позвольте спросить, каков смысл и содержание “публичной социологии”?

Крайне интересен тот факт, что Вы не знакомы с этим подходом! Главная идея публичной социологии, которая стала довольно распространенным направлением сегодня, заключается в попытке выхода за пределы академической науки и налаживания связей между социологами и широкими общественными кругами. Публичные социологи во главе с Майклом Буравым (который, кстати, возглавлял американскую, а теперь возглавляет и международную социологическую ассоциацию), пытаются сделать социологию понятной и нужной не только для самих социологов, но и для неискушенной “публики”. Тематический контекст публичной социологии составляют проблемы социальной и политической активности, гражданского общества, общественных движений и т.п.

Большое спасибо за то, что открыли для меня существование “публичной социологии”, о которой я ранее никогда не слышал! Вы хороший посредник между американскими и европейскими социологами!

Вы спрашиваете, близок ли социанализ к публичной социологии? И да, и нет. Да, поскольку социанализ является способом сделать социологию ближе к общественным проблемам и заботам, пытаться помочь общественным менеджерам и руководящим лицам решать свои человеческие и социальные проблемы. Нет, поскольку публичная социология, насколько я понял, является более общей теорией и практикой, пытающейся пригласить академических американских социологов, заставить их не бояться запачкать свои руки (как сказал Жан-Поль Сартр) и предпринимать политические действия. Во франкоязычной социологии понятие “публичная социология” вообще не используется. Однако мой Бельгийский институт социологии Сольве, основанный в конце XIX века, был своего рода институтом публичной социологии, задолго до недавнего американского движения. Цель института состояла в том, чтобы получить социологическое знание, полезное для лиц, принимающих решения. Это не называлось именно “публичной социологией”, но идея была почти такой же. Моя концепция социанализа также должна рассматриваться в этой перспективе.

Близок ли социанализ к клинической социологии? Да. В рамках франкоязычной социологии я пытаюсь развить понятие клинической социологии, которое означает, что получение социологического знания иногда может быть более эффективным на основании анализа индивидуальных случаев, чем на основе опросов общественного мнения, скорее посредством качественных, а не количественных методов. Я пожертвовал некоторую сумму денег своему университету на создание кафедры “клинической социоло-

гии”, но моим академическим коллегам не совсем понравилось это понятие (по их мнению, слишком близко к терапевтическим перспективам), и название изменили на “социологическое и антропологическое вмешательство (intervention)”. Конечно, социанализ в моей концепции является одним из важных измерений клинической социологии.

Мог бы я назвать имена нескольких социаналитиков? Немногие социологи и психоаналитики используют данную квалификацию. В англоязычной науке — Эллиот Жак (Elliott Jaques), который называет себя “социаналитиком”. Во франкоязычном мире: Жерар Мендель (Gerard Mendel), который называл себя “социопсихоаналитиком”; Макс Пажек (Max Pagus) — социопсихолог; но скорее даже Ван Бокстел (Van Bockstael) — настоящий социаналитик, а также Джордж Лапассад (Georges Lapassade). Последний из названных и его команда определяли себя как “революционные социаналитики”, но их аудитория быстро уменьшалась по причине отсутствия организации или института, которые желали бы иметь в своих стенах таких беспокойных социологов... Именно поэтому я отстаивал своего рода “эволюционный” социанализ — реформы вместо революции...

Другие социологи также могут быть названы социаналитиками, даже если они не используют этот термин: Мишель Крозье Michel Crozier (социоорганизационные вмешательства), Ален Турен (социоисторические вмешательства). Оба из этих исследователей думают, что социологи должны работать над развитием отношенческого (relational) и институционального потенциала групп, организаций и социальных движений.

Использовал ли я сам социаналитический подход? Да, конечно. В самых разных ситуациях: как социальный консультант, как исследователь-деятель, как преподаватель в процессе преподавания/обучения, вдохновленный теориями и практиками групповой динамики Левина и Роджерса.

Разрешите перейти к обсуждению следующего, пятого принципа экзистенциальной социологии, который Вы определяете как “плюрализм моделей для будущего социологии”.

Социанализ — только одна из возможных моделей реализации профессии социолога. Прикладная социология (одной из форм которой является социанализ) всегда должна быть, по моему мнению, дополнением к фундаментальной социологии.

Профессия социолога многомерна по своим функциям, ролям, карьерным воплощениям и задачам.

Плюрализм функций: социолог может быть производителем знания, аналитиком социальных движений, детектором социальных противоречий, посредником в разрешении социальных конфликтов и т.д.

Плюрализм ролей: социолог может быть исследователем, консультантом, актором, критиком, аналитиком, учителем и т.д.

Плюрализм карьер: исследование, образование, менеджмент, анимация, социальный сервис и т.д.

Плюрализм задач: оценка риска, смысл социальной эволюции, помощь общественному сознанию и т.д.

Нужно различать и одновременно развивать два разных подхода в профессии социолога: сообщать свою истину обществу и социальным акторам; помогать социальным акторам самим находить истину своих социальных

систем. Смею надеяться, что эти два подхода могли бы в будущем выстроить самый лучший из возможных диалогов между собой. Это — часть проекта экзистенциальной социологии, как я его себе представляю.

Что Вы подразумеваете под шестым принципом экзистенциальной социологии — клиническая, или прикладная социология как многообещающая область исследования, действия и подготовки студентов. Как Вы соотносите клиническую, прикладную социологию и социанализ?

Что касается подготовки профессиональных социологов, то могу сказать, что в течение многих лет я боролся за развитие новых форм обучения. Традиционное образование было слишком сильно привязано к фундаментальной и теоретической социологии. Наконец университеты — по крайней мере, в моей стране и во Франции — выпускали очень хороших теоретических исследователей социологов, но не существовало никаких испытательных периодов, чтобы дать им академические рабочие места на долгую перспективу. Когда наши студенты получали свои дипломы и шли в поиске работы за пределы университета (где для них не было свободных мест), их спрашивали, есть ли у них какие-либо психосоциологические навыки (групповые дискуссии, интервьюирование, лидерство, развитие чувствительности, групповые переговоры, институциональный анализ, экзистенциальная эмпатия и т.д.). Ничего теоретического. Главным образом, отношенческие, прагматические способности, позволяющие вовлекаться в институциональное и экзистенциальное развитие. Именно поэтому я был основателем нового диплома по “прикладной социологии” в моем университете. Эта специальность делала акцент на конкретных способностях человека, который в будущем станет социологом. Она была сосредоточена на практическом и профессиональном обучении на предприятиях, в группах и ассоциациях в течение длительных периодов, а также на изучении групповой динамики. Настоящая подготовка по экзистенциальной социологии, конечно.

Если же говорить о соотношении прикладной, клинической социологии и социанализа, то для меня последний подход представляет собой одну из форм клинической социологии, которая, в свою очередь, является одной из форм прикладной социологии. Посредством этих новых и важных способов профессионально-технического обучения социологов мы стремимся выпускать социально подготовленных акторов, способных на проведение необходимых социальных изменений.

Позвольте задать несколько общих вопросов об экзистенциальной социологии. Многие социологи, так же как и философы, психологи, антропологи, рассматривают экзистенциальный подход как перевернутую страницу в истории науки и философии. Они говорят, что экзистенциальная мысль была популярна до 1970-х, и теперь она неэффективна в объяснении современного мира и общества. Что Вы думаете о такой точке зрения, и каково Ваше видение будущего экзистенциального подхода в целом и экзистенциальной социологии в частности?

Должен сказать Вам, что категорически не согласен с такой оценкой. Я дам два разных ответа — философский и социологический.

На философском уровне: экзистенциально-феноменологический подход получил повторный импульс развития в 1968-м (особенно во Франции,

но также и во многих странах мира) как необходимый ответ на структуралистское доминирование (Фуко, Альтюссер, Леви-Стросс, Эрикссон, Якобсон, Соссюр, Лакан и др.), как бесконечное сражение против слишком абстрактного “научного” и недостаточно человеческого видения человеческого существования.

На социологическом уровне: я борюсь против пагубных (по моему мнению), так называемых когнитивных подходов в современной психологии и социологии. Они слишком абстрактны, делают из людей роботов или превращают их в объекты, подлежащие “научному” анализу и управлению, детерминированные и лишённые эмоций (которые должны быть нивелированы). Я знаю, что преувеличиваю, но таковы мои научные эмоции и чувства... Во всяком случае, не так давно я написал ряд статей, показывающих важность и эффективность экзистенциального подхода в самых разных областях: жизненные истории (Bolle De Bal, 2003; 2004); социология тайного (Bolle De Bal, 2000); социокультурная анимация (Bolle De Bal, 2004); менеджмент человеческих ресурсов (Bolle De Bal, 1995); социологическое вмешательство, в частности в развивающихся странах, сталкивающихся с западной современностью (Bolle De Bal, 1997). Ссылки на эти работы можно найти в моем CV на персональном сайте (www.ulb.ac.be/socio/bolledebal/). Теперь Вы понимаете мою уверенность в том, что экзистенциальные подходы, более чем когда-либо, необходимы для осмысления социальных проблем современного общества и заслуживают права смотреть в будущее, ожидая плодотворной деятельности.

Что (и кого) Вы подразумеваете, говоря о “когнитивных” подходах в психологии и социологии?

Я имею в виду исследование и понимание человеческого мышления, особенно посредством нейронаук. Подробную информацию по этой теме можно найти в *Google*, если ввести запрос “когнитивные науки”.

Когда Вы говорите, что экзистенциально-феноменологический подход был ревитализирован в 1968-м, Вы имеете в виду глобальные студенческие выступления и движения за права и свободы?

Да. Символически и с научной точки зрения, конечно. Наиболее популярны в то время были Маркузе, Морен, Турен (во французской социологии).

Поскольку я также отношу себя к экзистенциальной социологии, у меня сложилось устойчивое мнение, что этот подход наиболее адекватен для исследования современного общества, поскольку сегодня наблюдаются признаки глобального кризиса смысла, то есть духовного кризиса или экзистенциального вакуума. Речь идет не столько о локальных, “онтических” смыслах, таких как борьба с бедностью, болезнями, экологическими проблемами и т.д. (мы находим эти ценности в “Целях развития тысячелетия” ООН, и они, конечно, очень важны), сколько об “онтологическом” кризисе некоего тотального смысла жизни людей и смысла существования мирового человеческого общества в целом. Здесь мы могли бы сказать, что экзистенциальная социология является лучшим подходом для исследования кризисного общества. Что Вы думаете об этом?

Согласен с Вами. Кризис современного общества является финансовым, экономическим, социальным, но также глубоко культурным и психосоциологическим. Именно поэтому экзистенциальная социология — важная дисциплина, необходимая для понимания и преодоления этого культурного кризиса.

Кроме анализа культурного и социального кризиса, какие еще важные цели должна достичь экзистенциальная социология, какие социальные проблемы она должна помочь решать? И более широко, как Вы определяете общие принципы экзистенциальной перспективы (общие для социологии, философии, психологии и т.д.)?

Экзистенциальная социология не столько должна указывать на то, что нужно делать для “решения” социальных и культурных проблем, сколько помогать анализировать, понимать и управлять ими. Какие это проблемы? Социологические проблемы человеческой жизни и существования, конечно. Например:

- проблемы рождения (*биоэтика*): аборт, искусственное оплодотворение, клонирование, контрацепция, евгеника и т.д.;
- проблемы жизненного развития: транссексуальность, донорство органов, одиночество, стресс и т.д.;
- проблемы любви: браки, разводы, гомосексуализм и т.д. Люк Ферри недавно издал очень интересную книгу на французском языке под названием *La révolution de l'amour*. Он полагает, что любовь является новой социальной революцией, пришедшей на смену прежней рациональной революции (революция разума);
- проблемы смерти (то, что я называю *танатоэтикой*): эвтаназия, самоубийства и т.д.

Все эти проблемы, конечно же, рассматриваются с социологической точки зрения...

Какой основной смысл Вы вкладываете в термин “экзистенциальный”?

Ваш вопрос очень широк, возможно даже слишком широк. Чтобы ответить на него, я думаю, лучше всего также заглянуть в *Google* и прочитать там дефиницию этого термина, которую я определенно разделяю.

Первый аспект термина — фокусирование не на выдвижении гипотез о человеческой сущности, а на вопросе *конкретного человеческого существования и условиях (conditions) этого существования*, а также подчеркивание того, что сущность человека обуславливается жизненным выбором. Но даже при том, что в экзистенциализме приоритетом должна быть конкретная индивидуальная экзистенция, определенные условия обычно считаются “эндемическими” для человеческой экзистенции как таковой.

Что собой представляют эти условия, лучше всего можно понять в свете значения слова “экзистенция”, которое происходит от латинского “*existere*”, обозначающего “быть вне”, “появляться”, “возникать” (*ex-istere*). Человек существует в состоянии дистанции от мира, внутри которого он, тем не менее, остается. Эта дистанция составляет то, что позволяет человеку проецировать смысл в незаинтересованный мир в-себе. Спроецированный смысл остается хрупким, постоянно пребывает под угрозой разрушения в силу различных причин — от трагедии до чрезвычайных моментов. Такое разру-

шение оставляет нас лицом к лицу с обнаженной бессмысленностью мира, и следствия этого могут быть очень серьезными.

Именно в связи с представлением о разрушительном осознании бессмысленности Альбер Камю (один из моих любимых мыслителей) утверждал в своем “Мифе о Сизифе”, что “есть только одна действительно серьезная философская проблема, и это проблема самоубийства”. Хотя “предписания” против возможных негативных последствий такого рода столкновения с бессмысленностью разнятся — от религиозной “стадии” Кьеркегора до противостояния абсурду у Камю, большинство экзистенциалистских философов озабочены тем, чтобы помочь людям избегать тех жизненных путей, которые постоянно чреваты опасностью разрушения всего значимого. Возможность разрушения всего значимого приводит к угрозе *квиетизма*, который глубоко противоречит экзистенциалистской философии. Как было сказано, возможность самоубийства делает всех людей экзистенциалистами. Здесь мы возвращаемся к моему ответу на Ваш предыдущий вопрос. Главные концепты или понятия, формирующие экзистенциальный подход в социологии, психологии и философии: страх, свобода, любовь, смысл (*reason*), аутентичность, исследование, действие, взаимодействие и т.д.

В завершение нашего интервью что бы Вы хотели сказать молодому поколению социологов, в частности в постсоветском пространстве?

Я очень хотел бы, чтобы они прочитали это интервью, заинтересовались экзистенциальной социологией, попытались воплотить ее в реальность посредством социальных и научных действий, о которых я говорил. Социология — замечательная профессия (когда граждане удручены социальными проблемами, у социолога всегда есть работа). Никогда не забывайте о важности человеческой личности, человеческой жизни...

Благодарю Вас за интервью!

В заключение хотелось бы отметить, что обсуждение идей М.Болль де Баля позволяет прояснить текущее состояние экзистенциальной социологии, которая представляет собой несколько сформированных, но не связанных между собой концепций. При условии последующей интеграции данных концепций они способны выполнить функцию теории (парадигмы), наилучшим образом соответствующей вызовам современного общества. При этом экзистенциальная социология М.Болль де Баля обладает всеми необходимыми характеристиками для того, чтобы стать одним из ключевых элементов в таком всеобщем, системном объединении экзистенциально-социологической мысли и привнести в нее новую, нестандартную теоретико-методологическую перспективу в отношении социального существования человека.

Источники

Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории / Баева Л.В. — Астрахань : Изд-во Астрахан. гос. ун-та, 2004. — 277 с.

Зинюк А.В. Воздействие телевидения на коммерциализацию современного спорта / А.В. Зинюк // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — 2009. — Вип. 15. — С. 534–539.

- Райда К.Ю. Историко-філософське дослідження постекзистенціалістського мислення / Райда К.Ю. — К. : Укр. Центр духов. культури, 1998. — 216 с.
- Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии / Н.В. Романовский // Социологические исследования. — 2007. — № 1. — С. 22–31.
- Романовский Н.В. Современная социология: детерминанты перемен / Н. Романовский // Социологические исследования. — 2009. — № 12. — С. 26–35.
- Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2009. — № 8. — С. 3–13.
- Bolle De Bal M. La sociologie... et la personne? Ou j'ai même rencontré un sociologue heureux / M. Bolle De Bal // Bulletin de l'A.I.S.L.F. — 1986. — № 3. — P. 115–148.
- Bolle De Bal M. De l'esthétique sociale à la sociologie existentielle: sous le signe de la reliance / M. Bolle De Bal // Sociétés. — 1992. — № 36. — P. 169–178.
- Bolle De Bal M. L'égalité des chances de carrière en milieu bancaire: recherche-action, socialanalyse et sociologie existentielle / M. Bolle De Bal // Revue Internationale de Psychosociologie. — 1995. — № 3. — P. 147–162.
- Bolle De Bal M. Au cœur d'une sociologie existentielle. Les secrètes ambivalences du secret / M. Bolle De Bal // Secret et lien social / [A. Petitat] (sous la direction de). — Paris : l'Harmattan, 2000. — P. 49–60.
- Bolle De Bal M. Le récit de vie, pierre d'angle de la sociologie existentielle / M. Bolle De Bal // Le récit biographique. Fondements anthropologiques et débats épistémologiques / [J.-Y. Robin, B. De Maumigny-Garban, M. Soétard]. — Paris : l'Harmattan, 2004. — P. 157–168.
- Existential Sociology / [Ed. by J. Douglas, J. Johnson]. — Cambridge : Cambridge University Press, 1977.
- Janne H. Le système social / Janne H. — Bruxelles : Ed. de l'Institut de Sociologie, 1968.
- The Existential Self in Society / Ed. by J. Kotarba, A. Fontana. — Chicago : The University of Chicago Press, 1984.
- Tiryakian E. Sociologism and Existentialism : Two Perspectives on the Individual and Society / Tiryakian E. — Englewood Cliffs ; N. J. : Prentice-Hall, 1962.
- Tiryakian E. Existential Phenomenology and the Sociological Tradition / E. Tiryakian // American Sociological Review. — 1965. — Vol. 30, № 5. — P. 674–688.
- Tiryakian E. The Existential Self and the Person / E. Tiryakian // The Self in Social Interaction / Ed. by K. Gergen, C. Gordon. — N. Y. : John Wiley and Sons, 1968. — Vol. I. — P. 75–86.
- Tiryakian E. Structural Sociology / E. Tiryakian // Theoretical Sociology: Perspectives and Developments / Ed. by J. McKinney, E. Tiryakian. — N. Y. : Appleton-Century-Crofts, 1970. — P. 111–135.